

Рудольф Штайнер

**Психологические основания
и теоретико-познавательная точка зрения
антропософии («Болонская лекция»)**

Из GA 35

*Лекция в Болонье 8 апреля 1911 года
на IV международном философском конгрессе,
с двумя авторефератами*

Публикуется по изданию: Рудольф Штайнер. Основы антропософской методологии / Сергей О. Прокофьев. Путь посвящения Рудольфа Штайнера и тайна человеческого Я. — Одесса: ООО ПКФ «ХОББИТ ПЛЮС», 2013 г. (перевод с немецкого Илоны Король, под частичной редакцией Андрея Жильцова). Редакция и оформление электронной версии — Алексей Жилов, Кира Езерская.

Б Д Н
Библиотека
духовной
науки

bdn-steiner.ru

Психологические основания и теоретико-познавательная точка зрения антропософии

Задача, которую я хотел бы поставить перед собой в последующих рассмотрениях, должна заключаться в том, чтобы рассказать о научном характере и ценности духовного течения, у которого сегодня в широких кругах все еще склонны оспаривать эпитет «научное». Это духовное течение, ввиду многочисленных попыток, предпринимавшихся в том же роде в наше время, носит название *теософия* (антропософия). С этим названием в истории философии связаны определенные духовные направления, время от времени все вновь и вновь всплывающие в ходе человеческой культурной жизни, и с которыми никоим образом не совпадает то, что должно быть здесь высказано, хотя в некотором отношении оно и звучит похожим образом. Поэтому здесь должно приниматься во внимание только то, что в ходе изложения может быть охарактеризовано как особый духовный способ, без оглядки на мнения, возможные в связи со многим, что привыкли называть теософией. — Только следование этой точке зрения позволит в точности выразить то, как можно рассматривать отношение подразумеваемого здесь духовного направления к научно-философским представлениям современности.

Дело прежде всего обстоит так — это нужно безоговорочно признать, — что то, что привыкли называть теософией, даже в отношении к понятию познания только с трудом можно соединить со всем тем, что кажется в наше время установленным как идея «науки» и «познания», и что для культуры человечества принесло так много счастья и, несомненно, будет приносить и дальше. Последние столетия привели к тому, что «научным» считается то, что может быть в любое время непосредственно перепроверено любым человеком посредством наблюдения, эксперимента и их обработки при помощи человеческого интеллекта. При этом из научных определений должно быть исключено все то, что имеет значение в субъективном переживании человеческой души. Теперь едва ли можно отрицать, что философское понятие познания уже давно приспособилось к только что охарактеризованному научному способу представления. Это, пожалуй, можно лучше всего увидеть, исходя из исследований, занимавшихся в наше время тем, что может быть предметом возможного человеческого познания, и перед чем это познание должно признать свои границы. Было бы бесполезно, если бы я в этом месте захотел подтвердить высказанное утверждение, дав краткий очерк теоретико-познавательных исследований современности. Я хотел бы сделать акцент лишь на конечной цели этих исследований. Ими предполагается, что благодаря отношению человека к внешнему миру возникает твердо установленное понятие о сущности процесса познания, и что затем на основе этого понятия познания становится возможным охарактеризовать весь объем того, что доступно науке. Пусть отдельные теоретико-познавательные направления и столь различны: если только вышеупомянутую характеристику постигаешь достаточно широко, то в ней можно найти нечто общее для соответствующих философских направлений.

Итак, понятие познания в том, что подразумевается здесь под *антропософией*, таково, что оно кажется противоречащим охарактеризованному выше. Познание воспринимается ею как нечто, что не возникает непосредственно из наблюдения человеческого существа и его отношения к внешнему миру. Она считает, что на основе достоверных фактов душевной жизни она вправе утверждать, что познание является не чем-то готовым, законченным, а чем-то текучим, способным к развитию. Она считает себя вправе указать на то, что за сферой обычной сознательной душевной жизни находится другая, в которую человек может проникнуть. И необходимо подчеркнуть, что под этой душевной жизнью подразумевается не то, что в наше время привыкли обозначать как «подсознательное». Это «подсознательное» может быть предметом научного исследования; оно может быть изучено как объект с точки зрения обычных методов исследования. С тем душевным состоянием, о котором здесь должна идти речь, оно не имеет ничего общего. В *этом* душевном состоянии человек живет точно так же сознательно, логически себя контролируя, как он живет на уровне привычного сознания. Только это душевное состояние сначала должно быть достигнуто посредством

определенных душевных упражнений, душевных переживаний. Оно не может предполагаться как некий факт данности для человеческого существа. В этом душевном состоянии выступает нечто, что может быть обозначено как дальнейшее развитие человеческой душевной жизни, и при этом дальнейшем развитии не прерывается самоконтроль и другие признаки сознательной душевной жизни.

Я хотел бы теперь сначала охарактеризовать это душевное состояние, а затем показать, как то, что достигается благодаря ему, может найти свое место среди научных понятий познания нашего времени. Итак, моей первой задачей будет — охарактеризовать методы духовного течения, о котором здесь идет речь, на основе возможного душевного развития. Эта первая часть моего изложения может быть названа:

*Духовнонаучный способ рассмотрения
на основе некоторых психологически возможных фактов*

То, что будет здесь охарактеризовано, должно рассматриваться как душевные переживания, *опыт* которых можно иметь, если будут созданы определенные условия в человеческой душе. Теоретико-познавательная ценность этих душевных переживаний должна быть исследована только после простого их описания.

То, чем следует заняться, может быть обозначено как «душевное упражнение». Необходимо начать с того, чтобы воспринять с другой точки зрения душевные содержания, которые обычно ценятся лишь как отображения внешней действительности. В понятиях и идеях, которые составляет себе человек, он хочет прежде всего иметь нечто, что может быть отражением или, по меньшей мере, знаком того, что лежит за пределами понятия или идеи. Духовный исследователь в подразумеваемом здесь смысле ищет душевные содержания, подобные понятиям и идеям обычной жизни или научного исследования; только он рассматривает их прежде всего не в связи с их познавательной ценностью по отношению к объективному, но позволяет им жить в собственной душе как действенными силам. Он в некоторой степени погружает их как духовные зачатки в материнскую почву душевной жизни и ожидает в совершенном душевном покое их воздействия на душевную жизнь. Тогда он может наблюдать, как при *повторяющемся* применении такого упражнения состояние души действительно изменяется. Однако нужно особенно подчеркнуть, что повторение является тем, что имеет большое значение. Потому что речь не идет о том, что благодаря содержанию понятий в душе разыгрывается нечто вроде познавательного процесса в его обычном смысле, но речь идет о реальном процессе в душевной жизни. В этом процессе понятия действуют не как элементы познания, а как реальные силы; и их действие покоится на часто *повторяемом* охватывании душевной жизни теми самими силами. И все преимущественно покоится на том, что действие в душе, достигаемое благодаря связанному с понятием переживанию, как таковое все вновь и вновь производится той же силой. Поэтому самого большого достигают благодаря простирающимся на более длительные временные промежутки медитациям над одним и тем же содержанием, повторяющимся в определенные периоды времени. Продолжительность каждой такой отдельной медитации имеет небольшое значение. Она может быть очень короткой, если только она протекает в абсолютном душевном покое и в совершенной замкнутости души по отношению ко всем впечатлениям внешних восприятий и прежде всего к обычной деятельности рассудка. Самое важное — это обособление душевной жизни с указанным содержанием. Это нужно сказать, поскольку должно быть ясно, что никто не должен испытывать помех для своей обычной жизни из-за выполнения таких упражнений. Время, которое для них необходимо, каждый человек, как правило, имеет в своем распоряжении. А изменение, которое происходит из-за них в душевной жизни, если они правильно выполняются, не оказывает ни малейшего влияния на конституцию сознания, необходимую для нормальной человеческой жизни. (Тот факт, что при таком складе, каким обладает ныне человек, случаются являющиеся вредными перегибы и странности, ничего не может изменить во взгляде на суть дела.)

Однако к описанной деятельности души большинство понятий жизни менее всего применимы. Все душевные содержания, преимущественно связанные с лежащим вне их

объективным, оказывают незначительное воздействие на охарактеризованные упражнения. Намного больше внимания уделяется таким *представлениям, которые можно обозначить как образы, символы*. Наиболее плодотворными являются те, которые своими живыми внутренними взаимосвязями указывают на многообразное содержание. Возьмем в качестве хорошего, основанного на опыте, примера то, что *Гете* обозначил как свою идею о «прарастении». Можно указать на то, как он однажды, ведя беседу с *Шиллером*¹, несколькими штрихами набросал символический образ этого «прарастения». Он также сказал², что тот, кто оживит этот образ в своей душе, получит от него нечто, из чего посредством закономерных модификаций смогут быть измышлены всевозможные формы, несущие в себе *возможность бытия*. Сначала можно поразмыслить об объективной познавательной ценности такого «символического прарастения», как всегда обычным способом. Если затем позволить ему жить в душе в указанном выше смысле, если в покое ожидать его воздействия на душевную жизнь, тогда выступит нечто от того, что можно назвать измененным душевным состоянием. Представления, которые духовные исследователи называют подходящими в этом отношении, могут иногда показаться совершенно странными. Странность может быть устранена, если поразмыслят над тем, что такие представления не должны восприниматься с точки зрения их достоверности в обыденном смысле, но должны рассматриваться с учетом того, каким образом они действуют в душевной жизни как реальные силы. Духовный исследователь придает ценность как раз не тому, что *означают* используемые в душевном упражнении силы, но тому, что переживается в душе под их влиянием. Здесь, естественно, могут быть приведены лишь отдельные небольшие примеры действенных символических представлений. Помыслим себе человеческое существо в образе представления так, что родственная животной организации низшая природа человека по отношению к нему как духовному существу проявляется посредством символического соединения облика животного с посаженной на него высочайше идеализированной человеческой формой (что-то вроде кентавра). Чем более образно-живым, содержательно-насыщенным явится символ, тем лучше. Этот символ при упомянутых условиях воздействует на душу таким образом, что она по прошествии некоторого — разумеется, длительного — времени ощутит внутренние жизненные процессы в себе укрепленными, подвижными, проясняющими друг друга. Весьма подходящим является один древний символ — так называемый «жезл Меркурия», то есть представление о прямой, вокруг которой спирально движется кривая. Затем, разумеется, можно представить себе такой образ как систему сил, примерно так, что вдоль прямой движется одна система сил, которой закономерно соответствует другая с соответственно более низкой скоростью в спирали. (В конкретном случае, следуя этому, можно представить себе рост стебля растения и вдоль него его распускающиеся листья; или также образ электромагнита. В дальнейшем так же возникает и образ человеческого развития, символизирующий в жизни возрастающие способности посредством прямой; при этом разнообразие впечатлений соответствует ходу спирали, и так далее.) — Особенно важными могут стать математические образы, поскольку в их символах становятся видимыми мировые процессы. Хорошим примером этого является так называемый «овал Кассини» с его тремя образами: эллипсоидальной формой, лемнискатой и формой, состоящей из двух составляющих единое целое ветвей. В таком случае речь идет о том, чтобы пережить это представление так, что, в согласии с математической закономерностью, переходу одной кривой формы в другую соответствует определенное ощущение в душе.

К этим упражнениям присоединяются затем другие. Они также состоят из символов, но уже из таких, которые соответствуют выражаемому в словах представлениям. Помыслим *мудрость*, которая представляется живущей и ткущей в порядке мировых явлений, символизируемую светом. Мудрость, жертвенным образом изживающуюся в любви, помыслим становящейся ощутимой посредством тепла, возникающего в присутствии света.

¹ Первое знакомство с Шиллером (дополнения к летописи). В несколько иной редакции в: «Счастливые события» (Морфология).

² Письмо Гердеру от 17 мая 1787 года.

Помыслим себе возникающими из таких представлений изречения, *имеющие, таким образом, только символический характер*. Таким изречениям душевная жизнь может предаваться в медитации. Успех, по сути, зависит от той степени, которой человек достигает в отношении душевного покоя и изолированности душевной жизни в символе. Если приходит успех, то он состоит в том, что душа чувствует себя словно приподнятой над телесной организацией. Для нее наступает нечто, подобное изменению ощущения ее бытия. Если считаются с тем, что человек в обыденной жизни ощущает себя так, что его сознательная жизнь, словно исходя из некоего единства, специфицируется в соответствии с представлениями, проистекающими от восприятий отдельных чувств, то вследствие упражнений душа чувствует себя пронизанной переживанием самой себя, части которого являют менее резкие переходы, подобно, например, цветовым и звуковым представлениям на горизонте обычного сознания. У души возникает переживание, что она может удалиться в ту область внутреннего бытия, которой она обязана успеху в упражнениях, и которая до занятия упражнениями была чем-то пустым, не воспринимаемым.

Прежде чем достигается такое внутреннее переживание, в душевном состоянии происходят разнообразные переходы. Один из них возвещает о себе во внимательном — достигаемом посредством упражнения — наблюдении того мгновения, когда человек пробуждается ото сна. Он может тогда отчетливо ощутить, как в структуру телесной организации закономерно входят силы некоего, доселе ему неведомого Нечто. Он чувствует, словно в представлении воспоминания, *отзвук* воздействий на телесную организацию, происходивших от этого Нечто во время сна. И если человек затем еще присоединяет к этому способность пережить охарактеризованное Нечто внутри своей телесной организации, тогда ему становится ясна разница в отношении этого Нечто к телу во время бодрствования и во время сна. Он не может тогда ничего другого, как только сказать, что это Нечто во время бодрствования находится внутри тела, а во время сна — *вне* тела. Только нужно не связывать с этим «внутри» и «вне» привычные пространственные представления, а обозначить ими специфические переживания, наличествующие у души, прошедшей через охарактеризованные упражнения.

Это упражнения интимного душевного рода. Они формируются для каждого человека в индивидуальной форме. Если однажды им положено начало, тогда в ходе формирующейся определенной душевной практики возникает индивидуальное. Но то, что выявляется как настоятельная необходимость, — это позитивное сознание жизни в реальности, которая независима от внешней телесной организации и является реальностью сверхчувственного рода. Для простоты назовем человека, стремящегося к охарактеризованным душевным переживаниям, «духовным исследователем». Для такого духовного исследователя существует определенное, подчиненное более точному самоконтролю осознание того, что в основе чувственно воспринимаемой телесной организации лежит сверхчувственная, и что возможно пережить себя внутри нее, подобно тому как обычное сознание переживает себя внутри физической телесной организации. (Здесь можно лишь *принципиально* обозначить имеющиеся в виду упражнения. Подробное изложение можно найти в моей книге «Как достигнуть познания высших миров?»)

Благодаря соответствующему продолжению упражнений охарактеризованное Нечто переходит в организованное определенным образом духовное состояние. Сознанию становится ясно, что оно подобным же образом относится к сверхчувственному миру, как благодаря органам чувств оно находится в познавательном отношении к миру внешнечувственному. Конечно, само собой разумеется, что в связи с утверждением такого познавательного отношения сверхчувственной части человеческого существа к окружению совершенно естественны всекие опасения. Можно быть склонным все, что переживается таким образом, относить к области иллюзии, галлюцинации, самовнушения и так далее. Теоретическое оспаривание таких опасений, по сути, естественно, *должно* быть невозможно. Потому что здесь не может быть и речи о теоретическом споре о наличии духовного мира, а только о возможных переживаниях и наблюдениях, являющихся сознанию точно таким же образом, как и наблюдения, сообщаемые посредством внешних органов чувств. Поэтому для соответствующего сверхчувственного мира не может быть привлечен никакой иной род

признания, кроме того, который человек несет навстречу миру красок, звуков и так далее. Нужно только принять во внимание, что тогда, когда упражнения делаются правильным образом, прежде всего под никогда не ослабевающим самоконтролем, для духовного исследователя в непосредственном переживании проявляется отличие воображенного от воспринятого сверхчувственно с такой же уверенностью, как и в отношении чувственного мира проявляется различие между воображаемым куском раскаленного железа и тем, к которому действительно прикасаются. Именно принимая во внимание различие между галлюцинацией, иллюзией и сверхчувственной действительностью, духовный исследователь благодаря своим упражнениям овладевает практикой, которая становится все более безошибочной. Однако при этом также естественно, что рассудительный духовный исследователь должен быть в высшем смысле критичным по отношению к отдельным проделанным им сверхчувственным наблюдениям. И он, собственно, никогда не будет говорить о позитивных результатах сверхчувственного исследования, кроме как с оговоркой: наблюдалось то или иное; и упражняемая при этом критическая осторожность вправе предполагать, что всякий, кто может посредством соответствующих упражнений прийти в связь со сверхчувственным миром, проделает те же самые наблюдения. Различия в данных отдельных духовных исследователей не могут, собственно говоря, рассматриваться ни в каком ином свете, кроме как отличающиеся друг от друга данные разных путешественников, посетивших и описывающих одну и ту же область.

В моей книге «Как достигнуть познания высших миров?» в соответствии с обыкновением тех, кто как духовные исследователи действуют в той же области, я назвал тот мир, который поднимается описанным образом на горизонте сознания, «имагинативным миром». Только от этого слова, употребленного как чисто техническое выражение, должно быть отстранено все, что могло бы означать нечто вроде просто «воображаемого» мира. «Имагинативный» должно указывать только на качественное свойство душевного содержания. Это душевное содержание по своей *форме* подобно «имагинациям» обычного сознания, только дело в том, что в физическом мире имажинация не относится непосредственно к чему-то действительному, в то время как имажинации духовного исследователя должны быть столь же определенно связаны со сверхчувственно-действительным, как, например, в физическом мире цветовое представление должно однозначно связываться с объективно-действительным.

Однако «имагинативный мир» и его познание являются для духовного исследователя только первым шагом. И благодаря им едва ли можно узнать о сверхчувственном мире больше, чем лишь его внешнюю сторону. Необходим следующий шаг. Он состоит в углублении душевной жизни, идущем еще дальше, чем это было важно для первого шага. Духовный исследователь должен стать способным посредством острой концентрации на той душевной жизни, которая возникает в нем посредством символов, полностью удалить из своего сознания *содержание* этих символов. То, что он должен тогда еще удерживать в своем сознании, есть только процесс, которому была подчинена его душевная жизнь, в то время как он предавался символам. В своего рода реальной абстракции должно быть отброшено содержание символа-представления, и в сознании должна остаться только *форма переживания* символов. Тем самым устраняется нереальный, важный только для переходной ступени душевного развития символический характер представления, и сознание делает внутреннее тkanie душевного содержания предметом медитации. То, что можно описать в связи с таким процессом, в действительности относится к реальному душевному переживанию, как слабая тень к предмету, который эту тень отбрасывает. То, что просто является в описании, сохраняет свою исполненную значения действительность благодаря приложенной психической энергии.

Достигнутое таким образом тkanie в душевном содержании может быть названо действительным самосозерцанием. При этом внутренняя сущность человека знакомится с собой не только посредством размышления о себе как о носителе чувственных восприятий и мыслительной обработки этих чувственных восприятий, но она знакомится с собой как с самостью (Selbst), как она есть, вне связи с чувственно воспринимаемым содержанием; она переживает себя в себе самой как сверхчувственную реальность. Это переживание не таково,

как переживание Я, когда в обычном самонаблюдении внимание отвлекается от познанного в окружении и обращается к познающей самости. В этом случае содержание сознания в известной степени все более сжимается в точке «Я». При реальном самосозерцании духовного исследователя это не так. При нем душевное содержание в ходе упражнений становится все богаче. И оно состоит в жизни в закономерных взаимосвязях, и самость не чувствует себя, как в связи с законами природы, которые абстрагируются из явлений окружающего мира, *вне* ткани законов; но она ощущает себя *внутри* этой ткани; она переживает себя с ней как *одно*.

Опасность, могущая возникнуть на этой стадии упражнений, заключается в том, что при недостатке настоящего самоконтроля упражняющегося может слишком рано показаться, что достигнут верный результат, и тогда только отголосок символических представлений ощущается как внутренняя жизнь. Подобное, само собой разумеется, ценности не имеет и не должно приниматься за внутреннюю жизнь, которая наступает в надлежащий момент и через подлинную рассудительность распознается посредством того, что, хотя эта внутренняя жизнь и показывает полную реальность, она все же несравнима ни с какой ранее познанной реальностью.

Для достигнутой таким образом внутренней жизни теперь становится возможным сверхчувственное познание, несущее в себе более высокую степень уверенности, чем просто имажинативное познание. В этой точке душевного развития наступает следующее. Внутреннее переживание все больше и больше преисполняется душевным содержанием, приходящим в душу извне, подобно тому, как содержание чувственного восприятия приходит из физического внешнего мира посредством органов чувств. Только наполнение сверхчувственным содержанием является непосредственной жизнью в этом содержании. Если употребить сравнение с фактом обычной жизни, можно сказать: соединение Я и духовного содержания переживается теперь так же, как соединение Я с сохранившимся в памяти представлением воспоминания. Только разница заключается в том, что содержание того, с чем соединяются, никак не сравнимо с пережитым доселе, и оно не может быть отнесено к прошлому, а только к настоящему. Если в связи с термином не думать ни о чем другом, кроме охарактеризованного здесь, то тогда можно познание такого рода назвать познанием «посредством инспирации». Именно таким образом я использовал это выражение как технический термин в моей книге «Как достигнуть познания высших миров?»

При этом «познании посредством инспирации» выступает новое переживание. Способ, которым осознают душевное содержание, является ведь целиком субъективным. Поначалу содержание обнаруживается вовсе не как объективное. Его *знают* как нечто пережитое, но не чувствуют себя противопоставленными ему. Последнее наступает только тогда, когда его в известной степени уплотняют в себе посредством душевной энергии. Благодаря этому оно становится тогда тем, что можно рассматривать объективно. В этом душевном процессе однако обнаруживается, что между физической телесной организацией и тем Нечто, что благодаря упражнениям было от нее отделено, находится что-то еще. Если захотеть найти названия для этих вещей, то, если не присоединять к этим названиям ничего фантастического, а связать с ними только то, что здесь охарактеризовано, можно использовать те названия, которые приняты в так называемой «Теософии». Тогда то Нечто, в котором самость живет как в чем-то независимом от телесной организации, называется астральным телом; а то, что обнаруживается между этим астральным телом и физическим организмом, называется эфирным телом. (При этом, конечно, не нужно думать об «эфире» современной физики.)

Из эфирного тела исходят теперь силы, посредством которых самость становится способной превратить субъективное содержание инспирированного познания в объективное созерцание. «По какому праву, — так может быть совершенно правомерно спрошено, — духовный исследователь приходит теперь к тому, чтобы отнести это созерцание к сверхчувственному духовному миру, а не считать его просто продуктом своей самости?» — Он не имел бы на это никакого права, если бы переживаемое им при его психических процессах эфирное тело в своей внутренней закономерности с объективной необходимостью не принуждало его к этому. Однако именно так и происходит. Потому что эфирное тело

переживается как слияние всеобъемлющей закономерности макрокосмоса. О том, сколь многое от этой закономерности становится для духовного исследователя действительным содержанием сознания, речь в данном случае не идет. Своеобразие заключается в том, что в непосредственном знании ясно: эфирное тело есть не что иное, как уплотненный образ космической закономерности, отражающий в себе мировую закономерность. Знание об эфирном теле для духовного исследователя распространяется прежде всего не на то, какое содержание из суммы всеобщей мировой закономерности отражает этот образ, а на то, *что* это за содержание.

Справедливые сомнения, которые обычное сознание поначалу может высказать против духовного исследования, помимо многих других, могут состоять еще и в следующем. Можно рассмотреть результаты этого исследования (как они представлены в современной литературе) и сказать: «Да, то, что вы тут описываете как содержание сверхчувственного познания, при более близком рассмотрении все же оказывается не чем иным, как комбинациями обычных представлений, пришедших из чувственного мира». — И это действительно так. (Также в описаниях высших миров, которые я сам смог дать в моей «Теософии» и в моем «Тайноведении», находят, как кажется, не что иное, как комбинации взятых из чувственного мира представлений. Так развитие Земли представлено посредством комбинаций сущностей тепла, света и так далее.) — На это нужно возразить однако следующее. Когда духовный исследователь *хочет выразить* свои переживания, ему необходимо изложить пережитое в сверхчувственной сфере при *посредстве* чувственного представления. Его переживание нельзя понимать так, как если бы оно совпадало со средством его выражения, но так, что он лишь пользуется этим средством выражения как словами необходимого ему *языка*. *Нельзя* искать содержание его переживания в средствах выражения, то есть в воспринимаемых представлениях, а нужно искать его в том, как он пользуется этими средствами выражения. Отличие его изложения от фантастического комбинирования чувственных представлений заключается, в действительности, только в том, что фантастическое комбинирование проистекает из субъективного произвола, изложение же духовного исследователя основывается на достигнутом путем упражнения вживании в сверхчувственную закономерность. Но здесь также нужно искать причину того, почему изложения духовного исследования могут быть так легко неправильно поняты. Поскольку для него действительно не столь важно, *что* он говорит, сколько, *как* он говорит. В «как» находится отражение его сверхчувственных переживаний. Если некто возразит: «Тогда ведь все же то, что говорит духовный исследователь, вовсе не имеет непосредственного отношения к обычному миру», — то нужно сказать, что такой способ представления на самом деле удовлетворителен для практической потребности объяснения чувственного мира из сверхчувственной сферы, и при действительном вникании в установленное духовным исследователем способствует пониманию чувственно воспринимаемого мирового процесса.

Может быть высказано и другое возражение. Могут сказать: «Что общего имеют утверждения духовного исследователя с содержанием обычного сознания? Ведь оно же не могло бы их проконтролировать». — Как раз это последнее в *принципе* неверно. Для исследования в сверхчувственном мире, для изучения его фактов необходимо душевное состояние, которое может быть достигнуто только посредством охарактеризованных упражнений. Но не для контроля. Для этого достаточно — когда духовный исследователь сообщил о своих переживаниях — обычной непредвзятой логики. Эта последняя, в принципе, всегда сможет решить: если то, что говорит духовный исследователь, истинно, тогда мировой и жизненный процессы, как они разыгрываются чувственно воспринимаемым образом, становятся доступными пониманию. В каком качестве рассматривают поначалу переживания духовного исследования, это неважно. Можно видеть в них гипотезы, регулятивные принципы (в смысле кантианской философии). Если же применить их к чувственно воспринимаемому миру, тогда можно увидеть, как он в ходе своих процессов подтверждает все, что утверждает духовный исследователь. (Это так, естественно, только в принципе; само собой разумеется, что утверждения так называемых духовных исследователей могут содержать в своих деталях величайшие заблуждения.)

Следующее переживание духовного исследователя может возникнуть, только если упражнения будут продолжены. Это продолжение должно состоять в том, что духовный исследователь *после достигнутого самосозерцания* сможет при помощи энергичной силы воли подавить его. Он должен смочь освободить душу от всего, что было достигнуто вследствие упражнений, опиравшихся еще на внешний чувственный мир. Символические представления комбинируются из чувственных представлений; хотя тkanie самости в себе при достигнутом инспиративном познании свободно от содержания символов, но все же оно является следствием упражнений, производимых под их влиянием. Таким образом, когда инспиративное познание также, хотя уже непосредственно, устанавливает связь самости со сверхчувственным миром, тогда чистое созерцание этой связи может быть развито все же еще дальше. Это происходит благодаря энергичному подавлению достигнутого самосозерцания. Самость после этого подавления может оказаться перед пустотой. В этом случае упражнения должны продолжаться. Или же она окажется еще более непосредственно противопоставленной сущностному сверхчувственного мира, чем при инспирированном познании. При нем проявляется только *связь* сверхчувственного мира с самостью; при охарактеризованном же здесь роде познания самость совершенно исключается. Если мы хотим иметь соответствующее обычному сознанию выражение для этого душевного состояния, тогда можно сказать: сознание переживает себя теперь как арена, на которой сущностное сверхчувственное содержание не представляется, а представляет само себя. (В моей книге «Как достигнуть познания высших миров?» я назвал этот род познания «интуитивным познанием», при этом нужно отказаться от обычного понятия «интуиция», имеющего целью обозначить всякое непосредственное эмоциональное переживание содержания сознания.)

Благодаря интуитивному познанию для непосредственного внутреннего душевного наблюдения преобразуется вся связь, в которой человек ощущает себя как «душа» по отношению к своей телесной организации. Для способности духовного созерцания эфирное тело предстает в некоторой степени как дифференцированный в себе сверхчувственный организм. И его дифференцированные члены познаются как определенным образом соответствующие членам физической телесной организации. Эфирное тело переживается как нечто первичное, а физическое тело — как его отражение, как нечто вторичное. Горизонт сознания определяется посредством закономерного воздействия эфирного тела. Сочетание явлений на этом горизонте возникает как действие дифференцированных членов эфирного тела в направлении к единству. В основе эфирного тела лежит всеобъемлющая космическая закономерность; в основе унификации его действия лежит тенденция к схождению к чему-то как к центру. И *образом* этой тенденции к единству является физическое тело. Так последнее обнаруживается как выражение мирового Я, подобно тому как эфирное тело обнаруживается как выражение макрокосмической закономерности.

Изложенное здесь станет ясней, когда будет сказано об одном особом факте внутренней душевной жизни. Это нужно сделать в отношении памяти. Духовный исследователь посредством отделения самости от телесной организации переживает воспоминание иным образом, чем обычное сознание. Для него воспоминание, являющееся обычно довольно недифференцированным процессом, разлагается на частичные факты. Сначала он ощущает влечение к переживанию, которое нужно вспомнить, подобно обращению внимания в определенном направлении. Переживание при этом действительно является аналогичным пространственному взиранию на удаленный предмет, на который сначала смотрели, от которого затем отвращают взор, а после снова к нему поворачиваются. Существенным при этом является то, что влекущее к воспоминанию переживание ощущается как нечто, что остановилось в отдалении на временном горизонте, и что с трудом поднимается из глубин нижних слоев душевной жизни. Это обращение к влекущему в воспоминание переживанию поначалу является чисто субъективным процессом. Если же теперь действительно приходит воспоминание, тогда духовный исследователь чувствует, что именно сопротивление физического тела действует подобно отражающей поверхности, и оно поднимает пережитое в объективный мир представления. Итак, духовный исследователь чувствует при процессе воспоминания поначалу свершение, протекающее (в субъективном

восприятии) в эфирном теле и становящееся *его* воспоминанием благодаря отражению в физическом теле. Первый факт воспоминания мог бы теперь дать только бессвязные переживания самости; что всякое воспоминание отражается благодаря погружению в жизнь физического тела — благодаря этому оно становится частью переживаний Я.

Это видно из того, что духовный исследователь в своем внутреннем переживании приходит к признанию того, как в основе чувственно воспринимаемого человека лежит сверхчувственный. Он стремится достичь осознания этого сверхчувственного человека не посредством заключений и спекуляций об основах непосредственно данного мира; но благодаря тому, что он так преобразует душевную конституцию, что она поднимается от восприятия чувственно осязаемого к реальному сопереживанию сверхчувственного. Благодаря этому он приходит к признанию душевного содержания, оказывающегося более богатым и исполненным содержания, чем обычное сознание. То, к чему далее ведет этот путь, может быть здесь, разумеется, только обозначено, так как подробное изложение этого потребовало бы написания большого сочинения. Внутреннее начало души становится для духовного исследователя производителем, ваятелем того, чем является отдельная человеческая жизнь для физического мира. И этот производитель обнаруживается таким образом, что он реально вплетает в свою жизнь силы не одной, а многих жизней. То, что можно назвать реинкарнацией, повторением земных жизней, становится действительным наблюдением. Потому что переживание внутреннего ядра человеческой жизни показывает в некоторой степени складывание вместе связанных друг с другом человеческих личностей. И они могут быть прочувствованы только в отношении «до» и «после». Потому что последующая личность всегда обнаруживается как результат другой. В этом отношении одной личности к другой также нет ничего непрерывного; это скорее такое отношение, которое выражается в следующих одна за другой земных жизнях, разделенных временными промежутками чисто духовного бытия. Времена, в которые духовное сущностное ядро человека было воплощено в физической телесной организации, отличаются для внутреннего душевного наблюдения от времен сверхчувственного существования тем, что для первых переживание душевного содержания кажется словно спроецированным на фон физической жизни, для последних же — погруженным в протекающее в неоформленном сверхчувственное. В отношении так называемой реинкарнации здесь должно быть дано не больше, чем своего рода взгляд на перспективу, открывающуюся из предшествующего рассмотрения. Кто допускает возможность того, что человеческая самость может вживаться в сверхчувственно созерцаемое сущностное ядро, тот уже не найдет недоступным для понимания также то, что при дальнейшем всматривании в это сущностное ядро его содержание являет себя дифференцированным, и что благодаря этой дифференциации духовный взор оказывается перед уходящим в прошлое рядом форм существования. То, что эти формы существования несут в самих себе свои временные данные, может сделаться понятным посредством аналогии с обычной памятью. Выступившее в воспоминании переживание ведь тоже несет в своем содержании временные данные. Действительное, подкрепленное строгим самоконтролем «обратное воспоминание» о прошлых формах существования, разумеется, отстоит уже весьма далеко от того ученичества духовного исследователя, которое было описано ранее, и возникают большие сложности внутренней душевной жизни, прежде чем оно станет безупречным. И все же оно заключается в прямом продолжении описанного пути познания. Я хотел здесь для начала в некоторой степени перечислить факты опыта внутреннего душевного наблюдения. Поэтому я описал также и реинкарнацию только как таковую. Ее можно обосновать также и теоретически. Это я сделал в моей «Теософии» в главе «Карма и реинкарнация». Там я постарался показать, как определенные результаты новейшего естествознания, «будучи продуманными до конца», ведут к допущению идеи реинкарнации для человека.

В отношении рассмотрения целостной природы человека из вышеизложенного следует, что его сущность может стать понятной, если увидеть ее как результат взаимодействия четырех членов: 1. физической телесной организации; 2. эфирного тела; 3. астрального тела и 4. формирующегося в последнем «Я», становящегося видимым благодаря связи сущностного ядра с физической организацией. На дальнейшем членении этих четырех

жизненных проявлений целостного человека невозможно детально остановиться в рамках одной лекции. Здесь следовало показать только *основу* духовного исследования; все остальное я попытался подробно изложить: во-первых, методически — в сочинении «Как достигнуть познания высших миров?», а во-вторых, систематически — в моей «Теософии» и в моем «Очерке тайноведения».

Переживания духовного исследователя и теория познания

Приведенные здесь рассуждения дадут возможность признать, что в основе правильным образом понятой антропософии лежит строго систематизированный в себе путь развития человеческой души, и что было бы заблуждением считать, что в душевном состоянии духовного исследователя живет нечто от того, что в обычной жизни обозначают как энтузиазм, экстаз, восторженность, визионерство и так далее. Именно из-за перепутывания охарактеризованного здесь душевного склада и таких состояний должны возникать недоразумения, могущие выступать навстречу антропософии. Во-первых, это перепутывание возбуждает веру в то, что в душе духовного исследователя якобы присутствует уход от самоконтроля сознания, своего рода стремление к непосредственному, инстинктивному созерцанию. Но дело обстоит противоположным образом. И от обычного так называемого экстаза, визионерства, от всякого обычного ясновидения душевное состояние духовного исследования отстоит еще дальше, чем обычное сознание. Даже такие душевные состояния, какие, например, имел в виду Шефтсбери³, являются туманными внутренними мирами по сравнению с тем, что может быть достигнуто при помощи упражнений истинным духовным исследователем. Шефтсбери находит, что не существует пути к более глубоким познаниям при помощи «холодного рассудка» без отрешенного бытия души. Настоящее духовное исследование владеет всем внутренним душевным аппаратом логики и рассудительности, когда оно стремится переместить сознание из чувственной сферы в сверхчувственную. Поэтому против него нельзя выдвинуть довод, что оно оставляет без внимания рациональный элемент познания. Оно, разумеется, не может по восприятию своего содержания мыслительно обрабатывать его в категориях, и вместе с тем при восхождении из мира чувств постоянно использует рациональный элемент, который всегда присутствует, подобно каркасу, во всех сверхчувственных восприятиях как неотъемлемая составляющая.

Конечно, здесь невозможно установить связь духовного исследования с различными теоретико-познавательными направлениями современности. Поэтому нужно — как бы для пробы — попытаться при помощи некоторых — более афористичных — замечаний указать на теоретико-познавательную точку зрения, которая испытывает наибольшие трудности в связи и по отношению к духовному исследованию. Возможно, не будет нескромным указать на то, что полное обоснование дискуссии между философией и антропософией можно получить из моих трудов «Истина и наука» и «Философия свободы».

Для теории познания нашего времени все больше становится своего рода аксиомой, что в содержании сознания даются прежде всего только образы, или даже просто «знаки» (*Гельмгольц*⁴) трансцендентно-действительного. Здесь не нужно объяснять, как критическая философия и психология («специфические энергии органов чувств», взгляды *Иоганнеса Мюллера*⁵ и его последователей) действовали сообща, чтобы такое представление мнимо казалось неопровержимым. «Наивный реализм», который в явлениях горизонта сознания видит нечто иное, чем субъективные репрезентации объективного, считался в философском развитии девятнадцатого века чем-то, преодоленным на все времена. Однако из того, что лежит в основе этого представления, вытекает почти как нечто само собой разумеющееся

³ Энтони Эшли-Купер, граф Шефтсбери, 1671-1713. Его мировоззрение видит в личности отображение мира как гармоничную в себе целостность.

⁴ Герман фон Гельмгольц. Факты в восприятии. — Берлин, 1879. С. 12-13.

⁵ Иоганнес Мюллер. Справочник по физиологии человека. В 2 тт. — Кобленц, 1833-1840. Том II. С. 254.

отклонение теософской точки зрения. Она ведь может рассматриваться критической позицией только как невозможное перепрыгивание через границы, лежащие в существе сознания. Если пожелать привести к простой формуле неизмеримо большое, остроумное выражение критической теории познания, можно сказать нечто вроде следующего: «Критический философ видит в фактах горизонта сознания прежде всего представления, образы или знаки, а возможная связь с трансцендентно-внешним могла бы быть найдена только *внутри* мыслящего сознания. Сознание именно не может перепрыгнуть через само себя, не может выйти из себя, чтобы погрузиться в трансцендентное». Такое представление в самом деле имеет в себе нечто, что кажется самоочевидным. И все же — оно опирается на предпосылку, которую достаточно лишь распознать, чтобы его отклонить. Это ведь звучит почти парадоксально, когда субъективный идеализм, выражающийся в указанном представлении, упрекают в скрытом материализме. И все же иначе невозможно. Пусть то, что может быть здесь сказано, станет наглядным благодаря сравнению. Возьмем сургуч и отпечатаем в нем при помощи печати имя. Имя со всем, что к нему относится, перешло с печати в сургуч. То, что не может перейти с печати в сургуч, — это металл печати. Возьмем вместо сургуча душевную жизнь человека, а вместо печати — трансцендентное. Тогда тотчас станет ясно, что о невозможности перехода трансцендентного в представление можно говорить, только если мыслить объективное содержание трансцендентного не духовно; и что на самом деле нужно было бы мыслить по аналогии с вполне перенесенным в сургуч именем. Для целей критического идеализма необходима предпосылка, что нужно мыслить содержание трансцендентного по аналогии с металлом печати. Но это не может произойти иначе, чем если сделают скрытую материалистическую предпосылку, что трансцендентное должно посредством материально помысленного перехода в представление быть им воспринято. В случае же, если трансцендентное является духовным, мысль о восприятии его представлением абсолютно допустима.

Другое отклонение в отношении обыденного состояния сознания происходит со стороны критического идеализма из-за того, что он оставляет без внимания то, какая фактическая связь существует между содержанием познания и «Я». Если именно с самого начала предположить, что «Я» с содержанием выраженных в понятиях и идеях мировых законов находится вне трансцендентного, тогда-то и будет само собой разумеющимся, что это «Я» не могло бы перепрыгнуть через себя, то есть должно было бы постоянно оставаться вне трансцендентного. Однако же этого предположения все же нельзя придерживаться перед лицом свободного от предрассудков наблюдения фактов сознания. Для простоты здесь прежде всего должно быть указано на содержание мировой закономерности, в той мере, в какой она может быть выражена в математических понятиях и формулах. Внутренняя закономерная взаимосвязь математических формул добывается внутри сознания и затем применяется к эмпирическим фактам. Однако невозможно обнаружить никакого различия между тем, что живет в сознании как математическое понятие, когда это сознание соотносится в *своем* содержании с эмпирическими фактами, или когда оно составляет себе ясное представление об этом математическом понятии в чисто математическом абстрактном мышлении. Но это означает не что иное, как то, что Я со своим математическим представлением находится не вне трансцендентной математической закономерности вещей, а внутри нее. И поэтому теоретико-познавательное придут к лучшему представлению о «Я», если не будут представлять его находящимся внутри телесной организации и получающим впечатления «снаружи»; но если переместят «Я» в самую закономерность вещей, а в телесной организации будут видеть только нечто вроде зеркала, посредством органической телесной деятельности отражающего для Я находящееся вне тела тление Я в трансцендентном. Если однажды в отношении математического мышления освоились с мыслью, что «Я» находится не в теле, а вне его, и органическая телесная деятельность представляет собой только живое зеркало, в котором отражается лежащая в трансцендентном жизнь «Я», тогда эту мысль можно также найти теоретико-познавательной понятной для всего, что выступает на горизонте сознания. — И тогда уже невозможно было бы сказать, что «Я» должно было бы перепрыгнуть через само себя, если бы оно пожелало проникнуть в трансцендентное; но нужно было бы признать, что обычное эмпирическое содержание сознания относится к

действительно пережитому человеческим сущностным ядром так же, как отражение относится к существу того, что видится в зеркале. — Посредством такого теоретико-познавательного представления спор между склонным к материализму естествознанием и предполагающим спиритуальное духовным исследованием мог бы быть теперь явным образом действительно улажен. Потому что для исследования природы был бы создан свободный путь, на котором оно могло бы исследовать законы телесной организации, независимо и без вмешательства в разговор со стороны спиритуального образа мышления. Если хотят познать, по каким законам возникает зеркальное отражение, тогда нужно обратиться к законам зеркала. От него зависит, *как* отражается смотрящий. Это происходит по-разному, в зависимости от того, есть ли у нас плоское зеркало, выпуклое или вогнутое зеркало. Ведь сущность того, кто отражается, находится вне зеркала. Так можно было бы видеть в законах, получаемых исследованием природы, основы для формирования эмпирического сознания; и в эти законы не следовало бы вмешивать ничего из того, что духовная наука может сказать о внутренней жизни сущностного ядра человека. В исследовании природы будут всегда правомерно сопротивляться вмешательству чисто духовных точек зрения. И в области этого исследования совершенно естественно, что больше симпатизируют объяснениям, данным механическим путем, чем при помощи спиритуальных законов. Представление, подобное следующему, *должно* быть симпатично человеку, живущему в ясных естественнонаучных представлениях: «Факт сознания, полученный при возбуждении клеток мозга, по сути, не иного порядка, чем факты связанной с материей силы тяготения» (Мориц Бенедикт⁶). Во всяком случае, таким объяснением методологически точно дано мыслимое естественнонаучным образом. Оно естественнонаучно обосновано, в то время как гипотезы о каком-то регулировании органических процессов непосредственно через психические влияния — естественнонаучно не обосновываются. Охарактеризованная ранее основная теоретико-познавательная мысль может, однако, видеть во всем объеме установленного естествознанием только лишь средства, служащие отражению истинного душевного сущностного ядра человека. Это сущностное ядро нужно, однако, перенести не внутрь физического организма, а в трансцендентное. И духовное исследование следовало бы тогда мыслить как путь к тому, чтобы вжиться в сущность того, что отражается. Само собой разумеется, общая основа законов физического организма и законов сверхчувственного остается тогда за противоположностью «сущность и зеркало». Но это, конечно, не наносит ущерба практике научного способа рассмотрения с обеих сторон. Эта практика при охарактеризованном сохранении противоположности могла бы продолжать протекать в двух потоках, взаимно друг друга просветляющих и проясняющих. Потому что нужно ведь также учесть, что в физической организации не имеют дела в *абсолютном смысле* с отражательным аппаратом, независимым от сверхчувственного. Отражательный аппарат должен все же считаться результатом отражающейся в нем сверхчувственной сущности. Навстречу относительной взаимной независимости того и другого от вышеупомянутых способов рассмотрения должно, дополняя, выступить другое рассмотрение, идущее вглубь, способное увидеть синтез чувственного и сверхчувственного. Слияние обоих потоков может мыслиться как данное благодаря возможному дальнейшему развитию душевной жизни к охарактеризованному интуитивному познанию. Только внутри *него* дана возможность преодолеть эту противоположность.

Итак, можно сказать, что непредвзятые теоретико-познавательные соображения могут расчистить дорогу для правильно понимаемой антропософии. Потому что они приводят к возможности теоретического понимания того, что сущностное ядро человека обладает свободным от физической организации бытием. И что мнение обыденного сознания, будто Я нужно мыслить как лежащую всецело внутри тела сущность, должно рассматриваться как *неизбежная* иллюзия непосредственной душевной жизни. Я — со всем сущностным ядром человека — может рассматриваться как сущность, переживающая свою связь с объективным миром внутри него самого и воспринимающая свои переживания из телесной организации

⁶ Мориц Бенедикт. Учение о человеке как наука чистого опыта. — Вена, 1894. С. 35.

как отражения жизни представлений. Обособление сущностного ядра человека от телесной организации, естественно, не должно мыслиться пространственно, но должно рассматриваться как относительная динамическая отделенность. Тогда разрешается также кажущееся противоречие, которое могло бы быть найдено между сказанным здесь и замеченным выше о сущности сна. В бодрственном состоянии сущностное ядро человека так включено в физическую организацию, что оно благодаря своему динамическому к ней отношению в ней отражается; в состоянии сна отражение прекращается. Поскольку обычное сознание в смысле изложенных здесь теоретико-познавательных соображений возможно только благодаря отражению (благодаря отраженным представлениям), во время состояния сна оно прерывается. Состояние души духовного исследователя может быть понято только так, что в ней преодолена иллюзия обычного сознания, и что завоевывается исходная точка душевной жизни, которую душевное ядро человека реально переживает в свободном отделении от телесной организации. Все остальное, что затем достигается путем упражнений, является только более глубоким погружением в трансцендентное, в котором действительно находится Я обычного сознания, хотя в нем оно и не знает себя как таковое.

Духовное исследование доказано, таким образом, как теоретико-познавательно допустимое. С этой допустимостью, естественно, согласится только тот, кто может разделить воззрение, что так называемая критическая теория познания может придерживаться своего утверждения о невозможности перепрыгивания сознания, только если она не прозревает иллюзорности запертого бытия сущностного ядра человека внутри телесной организации и получения впечатлений посредством органов чувств. Я осознаю, что моими теоретико-познавательными рассматриваниями были даны только эскизные наброски. И все же, может быть, исходя из этих набросков, можно признать, что это не разрозненные фантазии, а идеи, возникающие из стройного теоретико-познавательного базового воззрения.

Два автореферата лекции в Болонье

Первый автореферат.

Теософия и духовная жизнь современности

Из всех различных точек зрения на понимание мира, какие были представлены на IV международном философском конгрессе, для многих наших современников теософская точка зрения будет считаться наименее научной. Можно не удивляться этому факту. Потому что многое, что в момент своего появления считалось фантастическим и безосновательным, позднее становилось признанной, часто даже само собой разумеющейся истиной. Хотя сейчас слово «теософия» и употребляется как обозначение для духовных течений, уже часто выступавших в культурном развитии, так, как она была охарактеризована в короткой лекции на этом конгрессе, она представляет собой абсолютно новое духовное направление. Она стремится быть открытием врат к сверхчувственному миру. И она желает найти этот мир не посредством чисто спекулятивного мышления, а посредством действительного восприятия, которое столь же доступно человеческой душе, как восприятие физических чувств. Люди привыкли к воззрению, что такое восприятие духовным образом наступает в душе только в визионерских состояниях, в экстазе, и что одаренные им люди не поддаются научному контролю. Поэтому ему и не придают никакой иной ценности, кроме ценности личных переживаний отдельных человеческих индивидуумов. С такими видами душевных переживаний современная теософия не имеет ничего общего. Она показывает, что в человеческой душе дремлют познавательные силы, не проявляющиеся в обычной жизни, а также во внешней науке. Эти силы могут быть пробуждены посредством медитации и энергичной концентрации внутренней жизни ощущения и воли. Чтобы прийти к этому, душа должна замкнуться от всех внешних впечатлений, а также от всего, что хранит о таких внешних впечатлениях память. Медитация есть интенсивная отдача души представлениям, ощущениям и чувствам таким образом, что не развивают никакого сознания относительно того, что эти представления или чувства означают для физического мира, но так, что они проявляются в душевной жизни как силы, одновременно просветляющие душу и таким образом черпающие мощь из тех глубин, которые человек не осознает в обычной жизни. Действие этого внутреннего погружения таково, что благодаря ему человек начинает осознавать как бы духовную реальность собственного существа, которую он обычно не воспринимает. До того, как он займется такими упражнениями, он познает себя как существо, знающее о себе и о мире благодаря телесным органам. После занятий такими упражнениями он знает, что может развивать в себе жизнь также и без того, чтобы его телесные органы сообщали ему о жизни как таковой. Он знает, что может духовно отделиться от своего физического тела, и что из-за этого отделения он не должен погружаться в состояние бессознательности. И он обретает такое познание не только о самом себе, но и о сверхчувственном мире, который скрывается для обычного познания за физически-чувственным миром и в котором лежат истинные причины этого последнего.

Так человек учится также познавать, что он как душевно-духовное существо точно так же происходит от душевно-духовного, как он как физическое существо происходит от своих физических предков. Только он должен ощутить, что душевно-духовное существо, от которого он происходит, есть *он сам*, в то время как он отличает своих физических предков от своей самости (Selbst). Благодаря этому для него открывается обзор повторяющихся земных жизней. Посредством действительного наблюдения он учится понимать, что человеческая жизнь поистине состоит из жизни души в физическом теле между рождением и смертью, и что за этим следует духовное бытие, как правило, существенно более продолжительное, чем физическое. За этим духовным бытием должно снова последовать физическое воплощение, и так далее, пока с достижением цели Земли не завершится сам ход физических воплощений.

Эта идея о повторных земных жизнях (реинкарнация) сегодня должна неизбежно казаться большинству наших современников парадоксальной, даже гротескной. Но с ней

случится то же, что и с идеей Франческо Реди⁷, выступившего несколько веков назад, сначала вопреки сопротивлению его современников, с идеей, что зародыш жизни может возникнуть не посредством комбинации неживых веществ, а только как отпрыск однородных живых существ. То, что несколько веков назад казалось людям фантастической идеей Франческо Реди, считается сегодня общепризнанной истиной.

Этим указано только на один из многочисленных выводов современной теософии. Большинство недоразумений, проявившихся по отношению к этому, возникают из того, что полагают, что она хотела бы быть обновлением буддизма. Она *не* является им в том облике, который она приняла в Европе. Потому что, если бы никогда не было никакого буддизма, то все же охарактеризованное развитие высших познавательных сил в душе должно было бы привести к обнаружению теософских истин.

В своей современной форме европейская теософия стремится не быть религией или основать таковую, но расширить науку на сверхчувственную область мира. Тем самым она сама становится не религией, а инструментом для более глубокого понимания религиозной жизни. В качестве такого инструмента она подходит к христианству; и ей открывается, что в христианстве лежат глубины жизни, которые могут быть найдены, только если к ним подходят с наукой о сверхчувственном. Открывается, как основа христианства может быть постигнута только как деяние, происходящее из сверхчувственного мира и направившее свое сияние в физическое историческое развитие человечества. Именно благодаря тому, что познается, как *человек* полностью осуществляет свою земную жизнь в повторяющихся воплощениях, выступает сверхчувственная, божественная природа Христа. Для истинного сверхчувственного наблюдения Существо Христа только *однажды* присутствовало в физическом теле. И после Свершения на Голгофе Оно связано с развитием человечества на Земле. Высочайшая вершина сверхчувственного наблюдения состоит в том, что в духовном мире Христос познается как руководящая сила. Чем больше душа развивает сверхчувственные познавательные силы, тем ближе она подходит к Существо Х Христа. Теософия никак не препятствует религиозной вере в Христа, но она укрепляет ее, возвышая ее до сверхчувственно-научной истины. Если с точки зрения обычной науки для многих людей сущность христианства может стать сомнительной, то для научно-духовного наблюдения она становится непоколебимой истиной. Благодаря инструменту теософии содержащиеся в Евангелиях истины впервые могут быть увидены в правильном свете.

Для тех, кто следовал в духовном теософском направлении, с тех пор как оно было основано в 1875 году посредством Теософского общества, может показаться странным, что здесь с теософской точки зрения говорится о христианстве таким образом. Потому что считается, что основные учения теософии совпадают с восточными религиозными системами, прежде всего с брахманизмом или буддизмом. И верно также то, что сегодня еще многие представители теософии представляют ее таким образом, который позволяет рассматривать такое мнение как правомерное. И все же должно быть сказано, что первые основатели теософии не понимали сущности христианства, и что еще и сегодня многие важные представители теософии ее не понимают. Сама теософия должна была бы достичь сначала определенной ступени, чтобы познать, что в христианстве не только содержится шаг вперед по отношению ко всем предшествовавшим ему религиозным системам, но что оно, если оно правильно понимается, фактически объединяет в себе истинные стороны всех прочих религий.

Теософия как таковая не может быть религией; но она является путем к полному пониманию религии, подобно тому, как она как таковая является также и путем к истинному пониманию природы и духа. Поскольку это не признается, сегодня еще растет враждебность к теософии со стороны как религиозно настроенных, так и враждебных религии личностей. Первые считают, что из-за теософии они могли бы утратить свою религию. При правильном углублении в теософию они познают, что из-за теософии истинная религиозность

⁷ Франческо Реди, 1626-1697. Естествоиспытатель, личный врач герцога Тосканского. Собрание сочинений в 7 тт. — 1664-1690.

утрачивается столь же мало, как и великолепие природных явлений из-за научного рассмотрения.

Другие полагают, что теософия должна была бы привести назад к слепой вере. Благодаря действительному знакомству с теософией они могли бы убедиться в том, что ход человеческой истории является не последовательностью заблуждений, а развитием истины. Они придут к воззрению, что истинная наука постигает прекраснейшие цветы человеческой духовной — и именно религиозной — жизни не тогда, когда она разоблачает их как иллюзию, а когда она делает явной их истину.

Тот, кто наблюдает развитие душ в наше время, должен обнаружить, что в них живет жажда познания сверхчувственного мира. Обычные науки являют чудесный прогресс. Они полностью преобразили нашу культуру за относительно короткое время. Они принесли ответы на вопросы для внешней жизни и в будущем принесут еще больше. Для душевной жизни — при правильном рассмотрении, они не принесли никаких ответов, а только беспрерывно поднимают новые вопросы. На такие вопросы не дается ответа традиционными религиозными представлениями. Невозможно возразить против того, что эти ответы все же существуют, только они многими нашими современниками уже больше не ощущаются как ответы. То, что они больше не ощущаются как таковые, — в этом та суть, которая ставит современное человечество перед новыми задачами внутренней жизни. Если это человечество постигнет эти задачи благодаря науке сверхчувственного, тогда может быть создана гармония между страстными душевными устремлениями, возрастающими вследствие современной жизни. Если этого постижения не наступит, тогда новые вопросы должны будут оставаться без разрешения, подобно жгучей жажде души. Но оставление без ответа вопросов, которые должны возникать в душах, означает душевную пустоту, душевное несчастье; достижение ответов на такие вопросы означает душевное удовлетворение, душевную крепость, душевное счастье. И в этом нуждается современное человечество, если его великолепная внешняя культура сама не должна остаться без души.

Второй автореферат.

Слово о теософии на IV международном философском конгрессе

О психологических основах теософии и ее научном обосновании говорил на секции философии религий доктор Рудольф Штайнер из Германии. Докладчик указал на то, что он должен представить предмет, который сегодня в самых широких кругах не рассматривается как научный. Это, однако, совершенно понятно. Поскольку духовное направление, о котором идет речь, подразумевает совершенно иной род познания, чем прочие современные философские направления. Они спрашивают: какова душа человека, и как она может познавать благодаря тому, что она устроена определенным образом? Теософия же, в том смысле, как ее представил докладчик, должна сказать о душе, что она могла бы подняться над так называемым нормальным состоянием и благодаря этому распространить свои познавательные силы из области чувственного и интеллектуального на область сверхчувственного. Однако под таким другим состоянием души подразумевается не то, которое в обычной психологии обозначают как «подсознательное» или «бессознательное», а также не состояние видений, экстаза и тому подобного, а состояние, которое может быть достигнуто под строжайшим самоконтролем души. Чтобы прийти к нему, душа должна напрячь свои силы, подвергнуть себя внутренним упражнениям. Она должна пронизать себя идеями, мыслями и ощущениями, носящими не обычный характер отображений внешней действительности, но более символический характер. Душа должна теперь исключить из своей жизни все чувственные, связанные с памятью и рассудком впечатления и содержания, и в постоянном повторении все вновь достигать полного единения с охарактеризованными символическими представлениями. Результатом этого является совершенно определенное переживание, состоящее в том, что душа постигает себя как внутреннюю реальность, покоящуюся на себе самой независимо от телесной организации. Благодаря этому переживанию человек знает, что он как душа может реально жить независимо от своего тела. После этого рубежа упражнения должны продолжаться. Человек должен теперь удалить из своей души символические представления и направить внутреннее чувство только на собственную деятельность, на ту деятельность, посредством которой он пережил в себе символы. Посредством этих упражнений обретается независимое от тела душевное начало; и в эту внутреннюю жизнь содержание духовного мира вливается теперь так же, как чувственное содержание вливается в чувственное восприятие, когда глаза и уши направлены на внешний мир. Тем самым открывается новая ступень познания; первая ступень, на которой символические представления преобразуют душевную жизнь, может быть названа имажинативным познанием, а вторая, впервые возникающая после удаления символов из сознания, — познанием посредством инспирации. Докладчик обратил затем внимание на то, как теория науки не может сегодня согласиться с описанным таким образом душевным сознанием, поскольку она с самого начала помещает «Я» человека в телесный внутренний мир. Однако теория познания будущего признает, что Я на самом деле находится, конечно, в духовном внешнем мире, и обычное Я только отражается как его отображение в телесной организации. Такая теория познания сможет полностью примириться с теософией.

После афористичных рассмотрений докладчика, приведенных в течение отведенного ему короткого промежутка времени, состоялись оживленные дебаты. Известный платоник доктор В. Лютославский задал докладчику ряд вопросов. Вследствие этого было дано еще разъяснение о том, что душевные упражнения современного человека не основаны, как в древние времена, на физической изоляции от окружения, на крайне аскетической жизни и тому подобном, но что главная их ценность в развитии тех духовно-душевных сил, которые приводят во внутреннем человека к обособлению его сознания. На другой вопрос Лютославского докладчик заметил, что методы душевного упражнения, соответствующие

людям современной культуры, формировались соответствующими водителями духовной жизни со времени одиннадцатого и двенадцатого столетий.

Другой участник дискуссии, доктор Штарк, спросил, может ли быть приведен объективный критерий для того, что человек после соответствующей подготовки обнаруживает как факты духовного мира. Докладчик ответил на это, что для исследования, для переживания в сверхчувственных мирах нужна душа, подготовленная таким образом, как это было описано. Когда же факты этих миров сообщаются в соответствующей логической форме, тогда действительно непредвзятая логика обычного сознания может вынести о них решение и признать их верными. На соответствующий вопрос того же участника дискуссии доктор Штайнер сказал еще, что, по всей видимости, начинается та эпоха, когда охарактеризованная теософия волеется в духовную культурную жизнь и сформируется как признанное всеобщее достояние человеческой науки.